Бессмертная фамилия

Константин Симонов

SHOUT
SHARE
IT

- Симонов Константин
  - ○

Симонов Константин
Бессмертная фамилия

Константин Михайлович СИМОНОВ
БЕССМЕРТНАЯ ФАМИЛИЯ
Рассказ

Прошлой осенью, еще на Десне, когда мы ехали вдоль левого берега ее, у нашего "виллиса" спустил скат, и, пока шофер накачивал его, нам пришлось с полчаса, поджидая, лежать почти на самом берегу. Как это обычно бывает, колесо спустило на самом неудачном месте - мы застряли около наводившегося через реку временного моста.

За те полчаса, что мы там просидели, немецкие самолеты дважды появлялись по три-четыре штуки и бросали мелкие бомбы вокруг переправы. В первый раз бомбежка прошла заурядно, то есть как всегда, и саперы, работавшие на переправе, прилегли кто где и переждали бомбежку лежа. Но во второй раз, когда последний из немецких самолетов, оставшись один, продолжал, назойливо жужжа, бесконечно крутиться над рекой, маленький чернявый майор-сапер, командовавший постройкой, вскочил и начал ожесточенно ругаться.

- Так они и будут крутиться весь день, - кричал он, - а вы так и будете лежать, а мост так и будет стоять! После войны мы тут железнодорожный построим. По местам!

Саперы один за другим поднялись и, с оглядкой на небо, продолжали свою работу.

Немец еще долго кружился в воздухе, потом, увидев, что одно его жужжание перестало действовать, сбросил две последние, оставшиеся у него мелкие бомбы и ушел.

- Вот и ушел, - громко радовался майор, приплясывая на краю моста, так близко от воды, что, казалось, он вот-вот упадет в нее.

Я, наверное, забыл бы навсегда об этом маленьком эпизоде, но некоторые обстоятельства впоследствии мне напомнили о нем. Поздней осенью я снова был на фронте, примерно на том же направлении, сначала на Днепре, а потом за Днепром. Мне пришлось догонять далеко ушедшую вперед армию. На дороге мне бросалась в глаза одна, постоянно, то здесь, то там, повторявшаяся фамилия, которая, казалось, была непременной спутницей дороги. То она была написана на куске фанеры, прибитом к телеграфному столбу, то на стене хаты, то мелом на броне подбитого немецкого танка: "Мин нет. Артемьев", или: "Дорога разведана. Артемьев", или: "Объезжать влево. Артемьев",

или "Мост наведен. Артемьев", или, наконец, просто "Артемьев" и стрелка, указывающая вперед.

Судя по содержанию надписей, нетрудно было догадаться, что это фамилия какого-то из саперных начальников, шедшего здесь вместе с передовыми частями и расчищавшего дорогу для армии. Но на этот раз надписи были особенно часты, подробны и, что главное, всегда соответствовали действительности.

Проехав добрых двести километров, сопровождаемый этими надписями, я на двадцатой или тридцатой из них вспомнил того чернявого "маленького майора", который командовал под бомбами постройкой моста на Десне, и мне вдруг показалось, что, может быть, как раз он и есть этот таинственный Артемьев, в качестве саперного ангела-хранителя идущий впереди войск.

Зимой на берегу Буга, в распутицу, мы заночевали в деревне, где разместился полевой госпиталь. Вечером, собравшись у огонька вместе с врачами, мы сидели и пили чай. Не помню уж почему, я заговорил об этих надписях.

- Да, да, - сказал начальник госпиталя. - Чуть ли не полтысячи километров идем по этим надписям. Знаменитая фамилия. Настолько знаменитая, что даже некоторых женщин с ума сводит. Ну, ну, не сердитесь, Вера Николаевна, я же шучу!

Начальник госпиталя повернулся к молодой женщине-врачу, сделавшей сердитый протестующий жест.

- А тут не над чем шутить, - сказала она и обратилась ко мне: - Вы ведь дальше вперед поедете?

- Да.

- Они вот смеются над моим, как они говорят, суеверным предчувствием, но я ведь тоже Артемьева, и мне кажется, что эти надписи на дорогах оставляет мой брат.

- Брат?

- Да. Я потеряла его след с начала войны, мы с ним расстались еще в Минске. Он до войны был инженером-дорожником, и вот мне все почему-то кажется, что это как раз он. Больше того, я верю в это.

- Верит, - прервал ее начальник госпиталя, - да еще сердится, что тот, кто оставлял эти надписи, к своей фамилии не прибавил инициалов.

- Да, - просто согласилась Вера Николаевна, - очень обидно. Если бы еще была надпись "А. Н. Артемьев" - Александр Николаевич, я была бы совсем уверена.

- Даже, знаете, что сделала? - снова перебил начальник госпиталя. Она один раз к такой надписи приписала внизу: "Какой Артемьев? Не Александр Николаевич? Его ищет его сестра Артемьева, полевая почта ноль три девяносто "Б".

- Правда, так и написали? - спросил я.

- Так и написала. Только надо мной все смеялись и уверяли, что кто-кто, а саперы редко идут назад по своим же собственным отметкам. Это правда, но я все-таки написала... Вы, когда поедете вперед, - продолжала она, - в дивизиях на всякий случай спросите, вдруг наткнетесь. А вот тут я вам напишу номер нашей полевой почты. Если узнаете, сделайте одолжение, напишите мне две строчки. Хорошо?

- Хорошо.

Она оторвала кусочек газеты и, написав на ней свой почтовый адрес, протянула мне. Пока я прятал в карман гимнастерки этот клочок бумаги, она провожала его взглядом, как бы стараясь заглянуть в карман и проследить, чтобы этот адрес был там и не исчез.

Наступление продолжалось. За Днепром и на Днестре я все еще встречал фамилию "Артемьев": "Дорога разведана. Артемьев", "Переправа наведена. Артемьев", "Мины обезврежены. Артемьев". И снова просто "Артемьев" и стрелка, указывающая вперед.

Весной в Бессарабии я попал в одну из наших стрелковых дивизий, где в ответ на вопрос о заинтересовавшей меня фамилии я вдруг услышал от генерала неожиданные слова:

- Ну, как же, это же мой командир саперного батальона - майор Артемьев. Замечательный сапер. А что вы спрашиваете? Наверное, фамилия часто попадалась?

- Да, очень часто.

- Ну еще бы. Не только для дивизии, для корпуса - для армии дорогу разведывает. Весь путь впереди идет. По всей армии знаменитая фамилия, хотя и мало кто его в глаза видел, потому что идет всегда впереди. Знаменитая, можно сказать даже - бессмертная фамилия.

Я снова вспомнил о переправе через Десну, о маленьком чернявом майоре и сказал генералу, что хотел бы увидать Артемьева.

- А это уж подождите. Если какая-нибудь временная остановка у нас будет - тогда. Сейчас вы его не увидите - где-то впереди с разведывательными частями.

- Кстати, товарищ генерал, как его зовут? - спросил я.

- Зовут? Александр Николаевич зовут. А что?

Я рассказал генералу о встрече в госпитале.

- Да, да, - подтвердил он, - из запаса. Хотя сейчас такой вояка, будто сто лет в армии служит. Наверное, он самый.

Ночью, порывшись в кармане гимнастерки, я нашел обрывок газеты с почтовым адресом госпиталя и написал врачу Артемьевой несколько слов о том, что предчувствие ее

подтверждается, скоро тысяча километров, как она идет по следам своего брата.

Через неделю мне пришлось пожалеть об этом письме.

Это было на той стороне Прута. Мост еще не был наведен, но два исправных парома, работавшие, как хороший часовой механизм, монотонно и беспрерывно двигались от одного берега к другому. Еще подъезжая к левому берегу Прута, я на щите разбитого немецкого самоходного орудия увидел знакомую надпись: "Переправа есть. Артемьев".

Я пересек Прут на медленном пароме и, выйдя на берег, огляделся, невольно ища глазами все ту же знакомую надпись. В двадцати шагах, на самом обрыве, я увидел маленький свеженасыпанный холмик с заботливо сделанной деревянной пирамидкой, где наверху, под жестяной звездой, была прибита квадратная дощечка.

"Здесь похоронен, - было написано на ней, - павший славной смертью сапера при переправе через реку Прут майор А. Н. Артемьев". И внизу приписано крупными красными буквами: "Вперед, на запад!"

На пирамидке под квадратным стеклом была вставлена фотография. Я вгляделся в нее. Снимок был старый, с обтрепанными краями, наверное, долго лежавший в кармане гимнастерки, но разобрать все же было можно: это был тот самый маленький майор, которого я видел в прошлом году на переправе через Десну.

Я долго простоял у памятника. Разные чувства волновали меня. Мне было жаль сестру, потерявшую своего брата, не успев еще, быть может, получить письма о том, что она нашла его. И потом еще какое-то чувство одиночества охватывало меня. Казалось, что-то не так будет дальше на дорогах без этой привычной надписи "Артемьев", что исчез мой неизвестный благородный спутник, охранявший меня всю дорогу. Но что делать. На войне волей-неволей приходится привыкать к смерти.

Мы подождали, пока с парома выгрузили наши машины, и поехали дальше. Через пятнадцать километров, там, где по обеим сторонам дороги спускались глубокие овраги, мы увидели на обочине целую груду наваленных друг на друга, похожих на огромные лепешки немецких противотанковых мин, а на одиноком телеграфном столбе фанерную дощечку с надписью: "Дорога разведана. Артемьев".

В этом, конечно, не было чуда. Как и многие части, в которых долго не менялся командир, саперный батальон привык называть себя батальоном Артемьева, и его люди чтили память погибшего командира, продолжая открывать дорогу армии и надписывать

его фамилию там, где они прошли. И когда я вслед за этой надписью еще через десять, еще через тридцать, еще через семьдесят километров снова встречал все ту же бессмертную фамилию, мне казалось, что когда-нибудь, в недалеком будущем, на переправах через Неман, через Одер, через Шпрее я снова встречу фанерную дощечку с надписью: "Дорога разведана. Артемьев".

"Красная звезда", 24 мая 1944 г.